
Что остаётся.
Записки
странника

И Д

Что остаётся. Записки странника

«Автор»
2026

Д И.

Что остаётся. Записки странника / И. Д — «Автор», 2026

Странник без имени идёт от деревни к деревне, повинуясь невидимой нити. Он зарабатывает резьбой по дереву, ночует у дорог и никому не рассказывает о своём прошлом.На его пути будут пять встреч — пять человеческих историй о памяти, выборе, свободе, утрате и надежде. Каждая оставит в нём след и приблизит к ответу на вопрос, от которого он давно бежит: можно ли снова выбрать жизнь, если однажды потерял всё?

© Д И., 2026
© Автор, 2026

И Д
Что остаётся. Записки странника

Глава 1

Глава 1. Луна и Огонь

Деревня состояла из двух рядов домов, разделённых дорогой. Их можно было пересчитать, не проходя улицу до конца: около тридцати, не больше. Часть стояла тёмной и нежилой; в таких домах не горел свет не потому, что хозяева легли рано, а потому, что хозяев больше не было. В других окнах теплились огоньки — жёлтые, неверные, как свечи или лучины. Но на улице не было никого.

Лавочки у ворот давно вросли в землю. Обычно на них кто-нибудь сидел, коротая остаток дня. Чужие сюда заходили редко. Только по большим праздникам или когда совесть совсем замучает приезжали дети — на машинах, на пару часов, с пакетами из города. Привозили хлеб, лекарства, разговоры о своих делах, а потом снова уезжали, оставляя после себя тишину ещё гуще прежней.

Сегодня лавочки пустовали.

За занавесками иногда шевелились тени. На путника смотрели, он это чувствовал, но выходить никто не спешил.

Он шёл весь день. Глаза давно привыкли к меняющемуся свету, к пыли, к длинным теням. Он скользнул взглядом по фасадам, по пустой дороге, по кривым заборам — и пошёл дальше.

Он не знал, зачем идёт именно сюда, но знал, что должен был прийти. Так было всегда: не мысль, не решение, а тихое, упрямое чувство направления. Будто внутри натянулась невидимая нить и тянула его в одну сторону — слабо, но верно.

Он давно перестал с ней спорить.

За плечом висел мешок. В нём лежали нехитрые пожитки, немного еды и перочинный нож. Ножом он чаще строгал дерево, чем резал хлеб: вырезал фигурки, делал ложки, снимал стружку с попавшейся под руку ветки. В дороге руки должны были быть заняты — иначе слишком много мыслей приходило сразу.

Дорога под ногами была плотной, остывающей после дня. Нить вела его к дальнему краю деревни, туда, где дома стояли реже, а за ними уже начиналось поле.

Он дошёл до последних изб, прошёл немного дальше и услышал лёгкое плескание воды.

Свернул на звук.

Минут через пять деревья расступились, и перед ним открылось небольшое озеро.

По кругу его стояли старые берёзы и ольхи. Лишь в нескольких местах к воде выходили узкие просеки — видно, старики прорубили их для рыбалки, чтобы можно было сесть с удочкой в тишине.

На гладкой воде лежало отражение луны: цельное, спокойное. Иногда оно дробилось от рыбьего всплеска, расходилось кругами и снова собиралось в ровное зеркало.

Он не собирался здесь останавливаться. Но что-то удержало его у берега. В этой воде, в тёмных деревьях, в ночной тишине было спокойствие, от которого не хотелось уходить.

Палатку он сшил себе сам, из старого брезента. Палаткой её можно было назвать лишь с натяжкой: низкая, тесная, с крышей домиком. Внутри хватало места только ему и мешку, зато можно было вытянуть ноги и переждать ночь.

Закончив с устройством ночлега, он сел на бревно, поднял сухую ветку и достал нож.

Деревня натолкнула его на мысли о времени.

В молодости время кажется запасом впереди — бесконечным, почти неуязвимым. Его тратят, разбрасывают, убивают, не особенно думая о цене. А потом, в какой-то неуловимый момент, оно перестаёт быть запасом и становится остатком.

Наверное, в этой деревне люди особенно хорошо знали такое время. Здесь оно текло медленно, по-вечернему. Важно было не то, сколько прошло, а то, что ещё осталось: успеть

до зимы нарубить дров, досидеть до весны, дождаться детей, которые приедут на пару часов и увезут с собой городское, быстрое время.

Он провёл ножом по ветке.

Стружка тихо падала на землю.

Постепенно ветка перестала быть веткой. Он снял кору, сгладил неровности, выточил небольшой круг. Потом кончиком ножа начал делать на нём неглубокие впадины — одну, другую, третью.

Кратеры.

На ладони лежала маленькая деревянная луна — неровная, шероховатая по краям, с едва заметной трещиной сбоку. Не такая ясная, как та, что отражалась в озере, но почему-то настоящая.

Он поднял глаза.

Луна на воде снова дрогнула от рыбьего всплеска, распалась на рябь и медленно собралась обратно.

Что остаётся?

Пустые дома. Просеки у воды. Лавки, вросшие в землю. Дерево, которое кто-то когда-то вырезал, не думая, что оно переживёт его самого.

Может быть, от человека остаётся не имя и не число прожитых лет. А то, чего он коснулся. Тепло, которое оставил, даже если не собирался его оставлять.

Он снял последнюю стружку с деревянной луны и провёл большим пальцем по её краю.

Потом положил фигурку рядом с собой.

Лезвие ножа заметно сузилось от частых заточек. Он вытер его о ткань, сложил, ненадолго задержал в ладони. Рукоятка была гладкой там, где её обычно охватывали пальцы.

Убрав нож в мешок, он забрался в палатку, лёг и закрыл глаза.

Снаружи изредка плескалась вода.

Некоторое время он слушал её, а потом уснул.

Утром его разбудил шорох шагов.

Кто-то медленно приближался по берегу. Шаги остановились совсем рядом.

Странник приподнялся, откинул полог и выбрался наружу.

У бревна стоял старик. Плечи его были чуть согнуты, седые редкие волосы торчали в разные стороны. На нём была старая куртка, под которой виднелась простая рубаха, и тяжёлые сапоги, в которых, видно, ходили не один десяток лет.

К дереву неподалёку были прислонены две удочки. На земле стояло небольшое ведёрко.

Но старик смотрел не на воду.

В сложенных ладонях он держал деревянную луну.

Он осторожно поворачивал её к утреннему свету, рассматривал углубления, едва касался пальцами края. По щеке его медленно скатилась слеза. Он не вытер её.

Странник остановился в нескольких шагах.

— Доброе утро.

Старик поднял глаза. Несколько мгновений смотрел на него, потом чуть приподнял ладони.

— Твоя работа?

— Моя. Вчера вечером вырезал.

Старик кивнул и снова посмотрел на фигурку.

— Я когда-то тоже резал.

Странник сел на свободный край бревна. Старик ещё немного постоял, затем опустился рядом.

— Дом свой сам ставил, — заговорил он. — Деревянный. И всю резьбу на нём сам делал. Наличники, карнизы, крыльцо. Выйду бывало со двора, посмотрю: тут ещё узор просится, там доска пустая. Всё находилось, что добавить.

Он провёл пальцем по одному из маленьких кратеров.

— Детям игрушки вырезал. Сядут рядом, смотрят. Им хочется скорее получить, а мне ещё доделать надо. Только отвернёшься — уже тянут посмотреть.

Старик чуть улыбнулся.

Странник молчал, давая ему говорить.

— А ещё деревья у нас сухие стояли. Старые, корнями в земле держались. Я прямо из них и вырезал, на месте. Не спиливал, не корчевал. Уберу ветви, кору сниму, посмотрю, какой ствол… Из одного одно получится, из другого — другое. Большие фигуры выходили. Скульптуры. Так и оставались стоять. Украшали деревню.

Он замолчал и посмотрел в сторону деревьев.

Странник не торопил его.

Наконец старик протянул фигурку обратно.

— Хорошая работа. Маленькая, а ведь сразу видно — луна.

— Оставьте себе.

Старик задержал руки.

— Мне?

— Вам.

Он помолчал, потом бережно придвинул ладони к себе.

— Спасибо.

На озере плеснула рыба. Старик повернул голову на звук, но за удочкой пока не потянулся.

— Как вас зовут? — спросил странник.

— Фёдор, — ответил старик. После короткой паузы добавил: — Фёдор Семёныч.

— А я… — странник ненадолго замялся. — Просто странник.

Фёдор Семёныч кивнул, будто и не ждал другого ответа. Он аккуратно убрал деревянную луну в нагрудный карман, застегнул пуговицу.

— Ну что, странник, рыбу ловить умеешь?

— Немного.

Фёдор Семёныч встал, взял одну из удочек и протянул ему.

— Тогда держи.

Удочка была простая, выструганная из орешника, гладкая от многих ладоней. На леске покачивался небольшой поплавок.

Они устроились у берега. Старик достал коробочку с наживкой, насадил червя, забросил леску. Странник сделал то же самое.

Два поплавка легли на воду недалеко друг от друга.

Некоторое время они сидели молча. Озеро жило своим спокойным утром: где-то в камышах шевельнулась птица, с ветки сорвался лист и бесшумно лёг на воду, у берега расходились маленькие круги.

Первым задрожал поплавок Фёдора Семёныча. Старик чуть наклонился. Поплавок качнулся и ушёл под воду.

Он выждал мгновение, подсёк и вытащил небольшого карася.

— Неплохое начало, — сказал он негромко.

Через несколько минут клюнуло у странника. Он поднял удочку, снял с крючка карасика и опустил в ведёрко.

После этого рыба стала попадаться время от времени. То у старика уходил под воду поплавок, то у странника. Они не торопились, не говорили без нужды. Просто сидели рядом и следили за водой.

В ведёрке постепенно набралось несколько карасей.

Фёдор Семёныч заглянул внутрь, чуть пошевелил улов рукой и удовлетворённо кивнул.

— Ну вот. На обед хватит. Пойдём, чаю согрею. Самовар у меня хороший. Ты такого чая точно не пил.

Странник улыбнулся.

— Посмотрим.

Деревня открылась перед ними с другой стороны — ближе, отчётливее. Фёдор Семёныч кивнул вперёд, туда, где среди покосившихся соседних изб стоял его дом.

Странник невольно замедлил шаг.

Дом был старым, но не запущенным — скорее выстоявшимся, как дерево, пережившее много зим и не потерявшее силы. Потемневшие брёвна были почти чёрными, а на них проступала резьба.

Наличники на окнах казались вытканы из дерева, как кружево из нитей. Завитки, листья, цветы, солнечные круги — узор шёл по стенам, по карнизам, по столбам крыльца. Ни одна линия не повторяла другую в точности, и от этого дом выглядел не украшенным, а живым.

Странник остановился у калитки.

Её верхняя часть была вырезана тонкими деревянными прожилками. Сквозь просветы пробивался утренний свет и ложился на землю мелкими пятнами. Он провёл пальцами по одному из завитков: дерево было гладким, отполированным дождями, ветром и человеческими ладонями.

На крыше выгибался резной конёк, похожий на шею сказочного зверя. В самом его конце угадывалась маленькая птичья голова.

Странник вспомнил деревянную луну, которая теперь лежала в кармане старика.

Его вещи появлялись в дороге — из случайной ветки, одиночества, короткой мысли. Они жили ровно столько, сколько задерживались в чужих руках.

А здесь было другое.

Здесь было терпение, растянутое на годы.

— Красиво, — сказал он тихо.

Фёдор Семёныч ничего не ответил. Толкнул калитку, та привычно скрипнула, и они вошли во двор.

Внутри дом оказался таким же, как снаружи: старым, крепким и ухоженным. У стены стояла большая русская печь. На полках — глиняные кружки, жестяные банки, деревянные ложки. Под окнами тянулись лавки, покрытые домотканными половиками.

На стене висели старые фотографии в потемневших рамках: молодой Фёдор Семёныч, женщина в платке, двое детей. Рядом — часы с маятником, давно остановившиеся, но так и не снятые со стены.

Резьба была и здесь. На спинке стула вились листья и завитки. На подоконнике стояли деревянные игрушки: конь, медведь, маленькая телега. Некоторые потемнели от времени, у других откололись мелкие детали, но выбросить их хозяин, видно, не мог.

Фёдор Семёныч поставил ведёрко с карасями у печи, снял куртку и повесил её на крючок возле двери.

Деревянная луна осталась в нагрудном кармане.

— Располагайся, — сказал он. — Сейчас всё сделаем.

Он подкинул в печь сухих щепок, поправил угли кочергой. Потом достал широкий таз, нож с потемневшей деревянной ручкой и кивнул на рыбу.

— Почистишь? А я чаем займусь.

— Почищу.

Странник поставил таз на лавку у окна, налил воды и принялся за карасей. Работал спокойно, короткими уверенными движениями. Чешуя не летела по кухне, вода не проливалась, нож в его руках двигался точно.

Фёдор Семёныч мельком посмотрел на него и кивнул.

— Видно, не первый раз.

— В дороге всему учишься.

Пока в печи разгорался огонь, старик достал с полки баночки с сушёными травами: мятой, смородиновым листом, душицей. На каждой была бумажная полоска с аккуратной подписью.

Он насыпал в заварник чёрный чай, добавил мяты и несколько смородиновых листьев. Потом понюхал смесь и положил щепотку душицы.

Странник закончил с рыбой, вымыл руки и оглядел кухню внимательнее.

Здесь не было ничего лишнего. Каждый нож лежал на своём месте. Каждая баночка стояла там, где должна была стоять. Дрова у печи были сложены ровной стопкой — от крупных поленьев к тонким щепкам.

Этот порядок не был показным. Он чувствовался во всём: в чистоте, в спокойных движениях старика, в том, как тот без суеты находил нужную вещь.

— Где у вас сковорода и масло? — спросил странник. — Я рыбу пожарю.

Фёдор Семёныч обернулся и посмотрел на него с лёгким удивлением.

— Жарить-то зачем? Печка на что?

Он достал тяжёлую чугунную сковороду и поставил на лавку.

— Уложи карасей сюда. Посоли, перцу немного добавь. Сметана в горшочке, на полке. Сверху положи, не жалей. И в печку.

— Так вкуснее?

Фёдор Семёныч усмехнулся.

— Ты попробуй сначала. Потом скажешь.

Молотого перца в доме не нашлось — только горошком, в жестяной банке. Рядом стояла деревянная ступка с пестиком, потемневшая от времени и украшенная тонким резным узором.

Странник насыпал в неё несколько горошин и растёр их неторопливыми круговыми движениями. По кухне пошёл резкий, тёплый запах.

Он уложил рыбу в сковороду, посолил, присыпал перцем и покрыл густой сметаной.

Когда сковорода ушла в печь, Фёдор Семёныч залил кипяток в заварник, накрыл его полотенцем и поставил ближе к самовару.

В доме стало тепло.

К тому времени, как рыба приготовилась, день уже поднялся высоко. Из печи потянуло запахом карасей в сметане — густым, домашним, с чуть кисловатой ноткой.

Фёдор Семёныч достал из подпола отварную картошку и банку солений. Сквозь стекло виднелись огурцы, помидоры, чеснок, укроп и лист хрена.

Крышка хлопнула, по кухне поплыл запах рассола.

— Ну всё, — сказал старик. — Доставай, приступим.

Странник вытащил сковороду из печи, снял крышку.

Запах ударил ему в грудь.

Такого простого, домашнего тепла он давно не чувствовал. Не потому, что раньше не ел хорошей еды. Просто обычно он ел на ходу, у костра, у дороги, не задерживаясь нигде дольше одной ночи.

А здесь ему вдруг захотелось остаться.

Он испугался этой мысли и тут же отогнал её.

На столе ждали две деревянные тарелки.

Они ели молча. Рыба была мягкой, картошка рассыпалась под ложкой, сметана смешивалась с соком и запахом свежего перца. Изредка слышалось тихое причмокивание — не от невоспитанности, а от честного удовольствия.

Когда с рыбой было покончено, Фёдор Семёныч разлил чай.

Из поставца он достал небольшую миску с пряниками.

— Уж прости, к чаю больше ничего и нет. Не ждал гостей.

— Я и так сыт до отвала, — ответил странник, обхватив кружку ладонями. — А чай такой, что его и перебивать ничем не хочется.

Старик расплылся в доброй улыбке.

За окном вдруг зашуршал короткий дождь. Он прошёл быстро, косо, забарабанил по крыше и тут же ушёл дальше, оставив на стекле редкие капли.

Они сидели и слушали, как вода стекает по подоконнику.

Потом Фёдор Семёныч спросил:

— Откуда путь держишь?

Странник не сразу ответил.

Он смотрел в кружку, будто в ней можно было увидеть дорогу.

— Издалека. Давно иду. Куда — сам не знаю. А откуда… уже и неважно.

Фёдор Семёныч кивнул. Не стал допытываться.

— Тяжела дорога?

— Нет. Пожитков много не беру. Лес да речки кормят.

Он замолчал, но старик ждал спокойно, не подталкивая.

— Никогда не думал, — продолжил странник тише, — что буду так жить. В дороге. Без места, куда возвращаться. И что ремесло, которое было просто увлечением, станет тем, чем я себя кормлю.

Он говорил ровно, но пальцы сильнее сжали кружку.

Фёдор Семёныч это заметил.

— Понимаю, — сказал он. — Я долго прожил. Пока молодой был, много думал, заранее себе всё раскладывал. А под конец века вот что понял: как ни планируй, наверняка всё равно не знаешь. Бывает, идёт всё ровно, по уму, по задумке. А потом — пустяк какой-нибудь, ерунда. И всё ломается.

Он отставил кружку и сложил руки на столе.

— В такие минуты не надо держаться за старый план. Надо смотреть, где стоишь сейчас. И уже отсюда решать, куда дальше.

Странник чуть улыбнулся.

— Вот бы как с деревом. Сострогал лишнее — и чисто.

Фёдор Семёныч усмехнулся.

— С деревом-то проще. Дерево не спорит. А человек сам себе сучок.

Они оба рассмеялись — коротко, по-домашнему.

Когда дождь закончился, воздух за окном стал ясным и свежим. Солнце уже клонилось к вечеру.

Фёдор Семёныч поднялся.

— Пойдём. Пока светло. Покажу тебе то, о чём утром говорил.

Они вышли во двор и направились к улице.

— Ты не думай, я брёвна в сарай не таскал, — сказал старик, когда они вышли за калитку. — Всё прямо тут, на корню. Где дерево засыхало, там я к нему и подходил. Зачем добру в земле гнить без толку или в печке в золу уходить? Мёртвое оно, конечно, мёртвое… А резец приложишь — и вроде снова живёт. Стоит на своей земле, на своих корнях, только уже в другом виде.

Они прошли мимо двух пустых изб и свернули к старому перекрёстку.

— Вот. Первый.

На углу, возле покосившейся изгороди, стоял вяз. Дерево умерло давно: толстый узловатый ствол был покрыт глубокими продольными бороздами. Но среди сухих ветвей, выше человеческого роста, на дорогу смотрел филин.

Он словно вырос из дерева.

Сложенные крылья повторяли изгиб ствола, а волокна вяза шли по телу птицы так, будто взъерошенные ветром перья. Огромные круглые глаза были вырезаны глубоко, и в них лежала густая вечерняя тень.

Странник подошёл ближе, провёл ладонью по сухой шероховатой груди птицы.

— Упрямое дерево вяз, — тихо сказал он. — Резец рвёт.

— Ох, рвёт, — старик даже улыбнулся. — Вяз не режешь, с ним братаешься. Чуть зевнул — скол. Я его целую осень ладил.

Он посмотрел на филина.

— Птица ночная, мудрая. Деревня засыпает, а он сидит на углу, караулит. Вроде как и не пусто на улице.

Они пошли дальше, вглубь деревни. Возле одного из дворов виднелись остатки лавочки, вросшей в крапиву. Рядом стоял широкий пень старого клёна.

— А это вот второй.

Из кленового ствола был вырезан самовар.

Не игрушечный — большой, пузатый, почти в натуральную величину. Он словно вырастал прямо из земли. Из ствола выходили резные ручки-завитки, фигурный краник и труба, увенчанная короной для заварника.

В углублениях уже набилась сухая пыльца, кое-где зеленел мох.

— Тут соседи по вечерам собирались, — сказал Фёдор Семёныч. — Стол вынесут, гармонь заиграет. Чай пили вёдрами. А потом разъехались все. Кто куда, а кто и на погост.

Он погладил кленовый бок.

— Клён засох в то же лето, как последняя изба напротив опустела. Ну я и подумал: раз живого чая тут больше не пьют, пусть хоть память о нём останется. Стоит самовар. Никому не мешает. Не остывает.

Странник коснулся резного краника.

Пальцы мастера вложили сюда столько покоя, что казалось: тронь сильнее — и закапает не смола, а крепкий настой смородинового листа.

— Ну а третью… — старик помолчал, развернулся и повёл странника обратно. — Третью я не на улице оставил. Пойдём на зады.

Они обогнули дом Фёдора Семёныча, прошли через заросший вишенником огород и вышли к пологому спуску, за которым начинались луга и поле.

Там, лицом к закату, стоял старый дуб.

Верхушка его была сухой, обломанной грозой, но ствол всё ещё крепко держался за землю корявыми корнями.

Из этой дубовой тверди старик высек женщину.

Она была ростом с человека. Голова покрыта простым платком, концы которого спускались на грудь. Руки в длинных рукавах сложены под фартуком — так, будто работа закончена и можно просто постоять, глядя, как садится солнце.

В чертах лица уже чувствовалось время: дождь сгладил их, ветер затёр мелкие линии. Но в наклоне головы, в мягкой складке у губ, в ровной посадке плеч было столько нежности, что странник остановился, не решаясь подойти ближе.

Она не казалась мёртвым деревом.

Она казалась хозяйкой этого поля, этого заката и дома за спиной.

Фёдор Семёныч подошёл и положил сухую ладонь на дубовое плечо.

Постоял так немного, глядя туда же, куда смотрели её деревянные глаза.

— Как жены не стало моей, — глухо сказал он, — так дуб этот и засох. Весной все деревья лист пустили, а он стоит чёрный. Ни одной почки.

Он провёл ладонью по потрескавшемуся дереву.

— Сорок лет мы с ней прожили. Всю жизнь она вот так к вечеру выходила на зады — на солнышко поглядеть, коров встретить.

Он замолчал.

— Я сперва топор взял. Срубить хотел на дрова. Подошёл… а ударить не смог. Взял стамески, нож. И руки сами её сделали. Я даже не чертил ничего. Пальцы всё помнили. Как платок завязывала. Как руки прятала, когда зябко.

Странник смотрел на статую.

Дуб был тёмным, весь в глубоких трещинах, но в лучах вечернего солнца словно светился изнутри густым бронзовым теплом.

— Вы ей жизнь вернули, — тихо произнёс странник.

Фёдор Семёныч покачал головой.

— Себе я жизнь вернул. Ей-то что… Она там, где не болит. А я выйду вечером, постою рядом, помолчу. Вроде и не один век докуриваю.

Он убрал руку с плеча скульптуры и повернулся к страннику.

— Вот так и живём. Деревня сохнет, а мы держимся. Пока корни в земле — стоим.

У калитки Фёдор Семёныч остановился, посмотрел на небо и вздохнул.

— Ну, мне пора, паря. Коза недоеная сидит, куры на ночёвку не загнаны, печь к ночи проверить надо. Старею: что раньше к обеду управлялось, теперь до сумерек тянется.

Он показал палкой за деревню.

— А ты вот что сделай. Вон, гляди, холм, а на нём опушка. Сходи туда. Закат оттуда — первый сорт. Мы с женой туда по вечерам хаживали.

Странник посмотрел в указанную сторону.

— Днём дождь прошёл, воздух промыл, — продолжил старик. — Видишь облака? Рыжие снизу, гребённые. Солнце сядет — и подожжёт их. Небо гореть будет.

Он помолчал, потом добавил обычным голосом:

— Только не засиживайся. Вернёшься — ночевать останешься. В ночь не отпущу. Палатку на мокрую росу ставить не положено.

Странник хотел возразить, но понял, что не хочет.

Он оставил мешок в сенях и взял с собой только нож.

Плечи стали непривычно лёгкими.

Холм стоял за крайними домами. Тропинка выводила к опушке, а у самой кромки леса, среди травы, лежал большой серый камень.

Странник приложил к нему ладонь.

Камень был тёплым. Всё дневное солнце набралось в него и теперь медленно уходило в остывающий вечер.

Он сел.

Солнце висело над лесом — тяжёлое, красное, неторопливое. Старик не обманул. Облака, подожжённые снизу, разгорелись медью, потом золотом. Небо горело спокойно, по-хозяйски, как хорошо сложенная печь.

Странник сидел и смотрел.

Давно ему не приходилось вот так — просто провожать солнце. Обычно закат заставал его в дороге: с наполовину разобранной палаткой, с костром, с делами в руках. А сейчас спешить было некуда.

Даже нить внутри молчала.

Под ногами, у самого камня, он нашёл сухую ветку — толщиной в палец, с небольшим сучком, отходившим в сторону.

Повертел в руках.

Сучок изгибался туда, куда ветер обычно клонит пламя.

Нож лёг в ладонь сам собой.

Стружка посыпалась на траву.

Руки убирали лишнее без спешки: вот ручка, вот расширение — чашечка, где держится огонь. А выше — само пламя, тугое, отогнутое, застывшее на взмахе.

Факел.

Он повернул фигурку к последнему свету.

Деревянный огонь не гаснет. Его не задуть, он не прогорит, с него не опадёт пепел.

Вот и у Фёдора Семёныча всё так.

Самовар не остывает. Филин караулит спящую деревню. Дубовая женщина каждый вечер смотрит на закат.

В дерево можно вложить память — и она останется там дольше, чем в словах.

Солнце утонуло в лесу.

Облака погасли с краёв, как догорающий костёр: сначала медью, потом пеплом, потом тусклой розовостью. Над холмом зажглась первая звезда.

Странник ещё немного посидел на остывающем камне.

Тепло уходило из него медленно, нехотя. Так же, подумалось ему, оно уходит из всего, что вобрало его в себя: из печи, из свежего хлеба, из человеческого дома.

Даже когда того, кто грел, уже нет — тепло ещё держится.

И его можно успеть собрать.

Он убрал деревянный факел в нагрудный карман.

Луна осталась у старика.

А огонь… огонь он пока нёс с собой.

Внизу, в посеревшей деревне, зажглось одно окно.

Странник пошёл на этот свет.

Когда он вернулся, в доме уже горела лампа.

Фёдор Семёныч сидел у печи и поправлял угли. Увидев странника, он только кивнул на лавку у окна. Там лежал старый полушубок, сложенный вместо одеяла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.